

Его сердце
заржавело...

Рисавична

Виктория Побединская

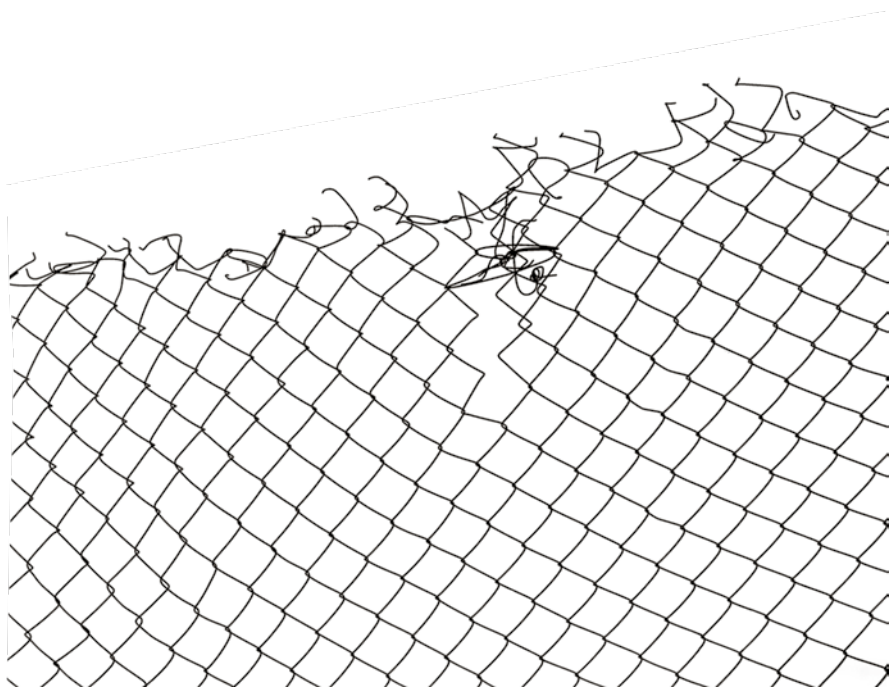
ВИКТОРИЯ ПОБЕДИНСКАЯ

Рисавишна

Часть 1

РЖАВЫЙ ГОРОД

— Анна!

Уже третий раз новый учитель химии обращается ко мне.

— Анна, я жду ответ!

Все смеются. Очевидно, им кажется забавным, что ее, неопытную и пока еще жутко стесняющуюся девушку, перевели в нашу школу, но забыли предупредить о таких, как я.

— Анна!

Ее руки трясутся. Она не может понять, над кем смеются — над ней или надо мной. Подростки жестоки. Школа — место для выживания, вам ли не знать, мисс.

С последней парты раздается голос:

— Она отвечает только по вторникам и пятницам.

Я стискиваю зубы.

Август.

И это не сожаление, что в отличие от России, где я родилась, учебный год здесь начинается в конце лета. Это имя. Имя парня, которого я — теперь — ненавижу. Парня, который — теперь — ненавидит меня.

Наши взгляды встречаются. Карандаш, который он сжимает пальцами, с хрустом ломается. Отовсюду раздаются смешки. Кто-то прикрывает рот ладонью, а кто-то даже не думает сдерживаться.

От злости и обиды в горле встает ком. Хотела бы я его проглотить, но увы. Как сильно могут меняться люди? Когда-то мы мечтали, что закончим школу вместе. Август — обязательно первым — получит права, и мы объедем за лето всю Америку. На границе каждого штата будем делать по одному фото, чтобы оклеить ими всю стену в нашей общей комнате где-нибудь в Университете Калифорнии. Видимо, жить мы тоже собирались вместе. Но никто не предполагал, то наше «вместе» закончится так быстро.

— Анна... — снова повторяет учитель. Уже почти умоляюще.

Мне так хочется подойти к доске, вырвать мел из ее дрожащих пальцев и написать: «Простите! Я. Больше. Не. Могу. Говорить!» Но я не двигаюсь с места.

Все взгляды, словно мячик в пинг-понге, скачут от нее ко мне, ну и иногда к Августу. Он отворачивается. Родинки на его щеке все так же образуют идеальный треугольник. Созвездие Дельтотон. Ясными вечерами мы лежали на крыше дома, и я учила, как отыскать его на небе. Подняв руки вверх и прищурив один глаз, мы чертили пальцами путь от звезды к звезде и ели «Скиттлз», доставая из пачки по одной конфете, угадывая, какого она на этот раз цвета. Игра про-

должалась до последней конфеты или пока нас не загонят домой. А потом каждый скрывался в своем окне, пока с неба, опустив свой острый нос, на нас глядел Дельтотон. Благодаря ему я и узнала Августа, когда он появился в нашей школе три дня назад. До этого мы не виделись пять лет.

— Анна!

Лицо затравленной учительницы уже как флаг Октябрьской революции. На фоне стен, что в нашей школе специально выкрашены в белый цвет — цвет чистоты и порядка, оно словно фонарь.

— Я прошу вас покинуть урок!

Класс взрывается приступом хохота. Три — ноль. Таким же образом сегодня был побежден историк и учитель биологии. Все трое новенькие. «Как вам угодно».

Естественно, я не говорю этого вслух. Молча бросаю вещи в сумку и выхожу. Не остается ни единого шанса, что кто-то расскажет этой бедолаге, что девочка, сидящая за пятой партой второго ряда, совершенно нема. Зачем лишаться такого веселья?

— Откройте страницу три... — доносится позади, когда я «случайно» хлопаю дверью, выскакивая сначала в коридор, а потом и на улицу. Прикрываю глаза козырьком ладони, чтобы привыкнуть к яркому свету, и прищуриваюсь. Последние недели лета всегда аномально жаркие.

«Вудсайд Хай» выглядит как обычная школа — гигантская белая коробка из пластика и стекла. Напротив главного здания полощутся флаги и расставлены лавочки, позади — стадион и площадки

для баскетбола, на соревнованиях по которому мы из года в год разгромно проигрываем.

Спрятавшись за углом школы, я смотрю, как на парковке останавливается большой желтый автобус. Он отличается от других лишь табличкой «Ржавый Город», но каждый знает: эти люди — чужаки. Ржавчина, проникшая на нашу территорию.

Двадцать пять человек из пригородного гетто перевели в нашу школу на прошлой неделе. И теперь это самая обсуждаемая новость месяца, потому что таких, как они, вы не встретите на наших улицах. Они — печать позора на умытом лице нашего благополучного общества.

Звенит звонок. К автобусу подтягиваются парни. Учиться здесь для них — щедрая привилегия, но по выражению их лиц — сущее наказание. Засмотревшись, я не замечаю, что пялюсь на парней не одна. Протягивая овсяное печенье, рядом встает Ив. Мы неразлучны с тринадцатой. С тех же пор она носит высокий хвост на затылке и красит ногти в ядовито-оранжевый.

— Слышала последние новости?

Я с хрустом отламываю кусок и принимаюсь жевать.

— Мне рассказала Хлоя, которая ходит со мной на тренировки. Помнишь ее? У нее еще грудь четвертого размера, из-за нее она не может бегать.

Я киваю, потому что бюст Хлои — местная знаменитость.

— Тренер хочет собрать новую баскетбольную команду из этих ребят, гляди. — Она сует

мне в руку объявление. — Представляешь, что это будет за игра? Они ведь настоящие звери.

«Может, в конце концов нам удастся Ричмонд обойти? — на языке жестов показываю я. За столько лет, что мы дружим, Ив научилась понимать. Языки вообще ее сильная сторона. — Впрочем, плевать».

Парни занимают места в автобусе. А потом я замечаю его.

Темно-зеленая толстовка с капюшоном, наброшенным на голову, а руки в карманах джинсов. Перебросив одну лямку рюкзака через плечо, он спускается по ступенькам школы. Тело у него сушошавое, хотя и крепкое. Жилистые руки, длинные пальцы. Улыбка теперь появляется на его лице крайне редко, я видела лишь однажды, когда он смеялся над кем-то со своими новыми друзьями.

Я отрываю взгляд от листовки, незаметно прикрываясь ей же, но он все равно замечает.

— Рот закрой, Суворова. И хватит на меня пялиться!

А потом занимает свое место в желтом автобусе, следующем в Ржавый Город. Теперь Август О’Доннел — его король.

Глава 1

АННА

— Давай, Анна, постарайся еще. Нам нужно удлинить фазу выдоха хотя бы до двенадцати секунд, — просит Амара, мой фоониатр* и по совместительству психотерапевт.

Мы начали работать с ней спустя полгода после случившегося. Не то чтобы я все еще верю, что мой голос каким-то магическим образом вернется, — в конце концов, я не героиня слащавого романа, где певица теряет голос, бегун — ноги, а музыкант — свои гениальные пальцы. Я простая девчонка, у которой повреждены связки. Результат несчастного случая. Но даже до него я не могла достать ни одной ноты свисткового регистра или пародировать трель птиц. Не планировала стать диктором теленовостей или ведущей на детском

* Фоониатр — врач, в компетенцию которого входит изучение проблем диагностики и лечения патологий, из-за которых страдает голос.

празднике. Так, может, судьба решила, что голос мне не так уж и нужен?

«Я устала», — показываю жестами. И это чистая правда.

Механизм восстановления после травм гортани сложен. Все, что мне доступно, — короткий шепот, который тут же прерывается кашлем. Ужасно, знаю. Я звучу, как заржавевший пропеллер «Спитфайра»* времен Второй мировой.

Амара убирает мои бумаги в сторону:

— Прошло всего пятнадцать минут.

«Иногда их достаточно».

Мне не нужно продолжать дальше, она и так знает.

Каждый раз, возвращаясь в тот самый день, я думаю, почему не вышла из дома на пятнадцать минут раньше. Или позже. Почему наша соседка, миссис Пирс, обычно встречающая закат с чашечкой кофе и каждый раз проливающая его себе на тапочки, на этот раз замешкалась. Почему накануне я забыла рюкзак в машине брата?

— Что мы говорили о бесконечном сожалении?

Я поднимаю руки — теперь мой главный инструмент общения.

«Что с помощью него удастся прекрасно прятаться от реальной жизни».

— Рада, что ты помнишь.

Мне нравится ее голос. Он похож на распускающиеся цветы жасмина. Не могу сказать, почему

* «Супермарин Спитфайр» — британский истребитель начала XX века.

у меня такая ассоциация, но, когда все время молчишь, будничным вещам невольно начинаешь подбирать кажущиеся наиболее подходящими оттенки.

«Люди вокруг такие идиоты, — жестами объясняю я. — Иногда даже одноклассники, стоящие буквально в паре метров, обсуждают меня, думая, что я не слышу. Почему-то ни одному из них не приходит в голову, что если бы не могла, то и не ходила бы в обычную школу».

Амара ласково улыбается:

— Будь к ним снисходительна. Ты же понимаешь, твой случай особенный. Иногда людям сложно перестроиться. Возможно, если бы ты попыталась с ними поговорить... — Она делает паузу, глядя на то, как я сжимаю пальцы в кулаки. — Голосом...

«Нет».

За что я люблю язык жестов — за быстроту и краткость. И вот за такие демонстративные знаки, как «нет».

«Но я не жалуясь. Иногда это даже забавно».

Оказывается, чтобы узнать о себе много нового, нужно просто... замолчать.

«Да, и кое-что случилось».

Я подхожу к окну, опираюсь на подоконник и подтягиваюсь, забираясь на него с ногами. Обычно пациентам не позволяется подобная наглость, но Амара всегда делает для меня исключения.

«Тот мальчик, о котором я рассказывала. Он вернулся. Три дня назад».

В то утро я, как обычно, опаздывала. Прыгая на одной ноге и натягивая школьные балетки, вытаскивала телефон, чтобы напомнить о себе сводному брату.

— Да иду я, иду, — раздраженно проорал он со второго этажа и одновременно в трубку.

Тобиас старше меня на четыре года и противнее на сорок пять жизней. Он учится в Университете Северной Каролины и обычно дома не бывает, что крайне упрощает «дружбу» между нами. Но на этот раз ему пришлось взять меня в школу, потому что на автобус я опоздала.

— Не была бы такой трусихой, сама бы давно водила, — как обычно, возмущался он, шнуря кеды. Не я была виновата в том, что произошло, но Тобиас все равно пробухтел: — Ладно, будем надеяться, к концу семестра у тебя парень хотя бы появится и мне больше не придется с тобой возиться.

Но я, как обычно, пропустила его слова мимо ушей.

«Давай быстрее!» — поторопила я его, выключая радио. Только так можно заставить этого парня пошевелиться и обратить на меня внимание, потому что обогнать нас на дороге было под силу даже восьмидесятилетней бабуле на старом «додже» — как пить дать, ее ровеснике.

— Не трогай мой приемник! — Тобиас шлепнул меня по руке.

Музыка — единственное, что в этом мире все еще имело для него хоть какое-то значение. Раньше она раздавалась из его комнаты почти

круглые сутки. Как я его за это ненавидела! Его песни были до того невыносимыми, что предметы, расставленные на моих полках, тряслись и звенели. Я доставала найденный в подвале костыль и стучала в стенку, но Тобиас специально прибавлял в усилителе громкость. А потом все исчезло. Он сорвал со стен плакаты и разбил собственную гитару. Никто не спрашивал почему. Мы это и так прекрасно знали.

Высадив меня недалеко от школьных ворот, Тобиас уехал. Я огляделась. На площади перед входом собралась толпа. Я подошла ближе, выглядывая из-за спин, и проверила время, потому что Ив обещала меня встретить без четверти восемь. На часах уже щелкнуло без пяти, а ее все не было.

Кто-то толкнул меня в спину.

— Анна-банана! — заверещала Ив на всю округу, вытряхивая из меня воздух.

— Задушишь, — зашипела я, смеясь и выпутываясь из ее рук. С Ив я позволяла себе говорить. Иногда. Обычно это были односложные ответы, не требующие напряжения связок.

«А чего столько народу?» — спросила я. В американских школах нет торжественных линеек, бантов и приветственной речи директора. Из динамиков не доносится «Учат в школе» и не звенит звонок. Поэтому толпа выглядела предельно странной.

— Все хотят посмотреть на новичков, — ответила Ив, возбужденно потирая руки и едва не подпрыгивая. — Представляешь, там только

парни. Они не брали девушек, потому что в Ржавом Городе с транспортом проблемы.

«В смысле?»

— Туда не ходят автобусы, — вставая на носочки, чтобы видеть из-за голов, ответила Иви.

И тут я заметила его, беззвучно прошептав, не в силах поверить:

«Август...» — Дыхание слишком резкое и хаотичное. Так мне дышать нельзя — есть риск закашляться.

— Рыжий, ты идешь? — окликнул его кто-то.

Парень повернулся, и мое сердце принялось скакать как заведенное. Радостно выкрикивая, что это точно он. Мой американский мальчик. Родинки на его щеке — слишком яркий признак.

Я впитывала его новый облик, буквально вбирая каждую черту. Волосы цвета осенних листьев, завивающиеся кольцами, как и в детстве, слегка растрепанные, белая футболка на загорелой под южным солнцем коже, веснушки, красная кепка на голове... Интересно, вспомнит ли меня? Ведь прошло уже пять лет.

— Иду.

Его голос изменился. Стал низким и глубоким. Но это был он. Мой Август. Я откашлялась, до боли напрягая связки, чтобы произнести его имя, но ничего не вышло. Из горла вырвался только хрип.

«Боже, какая глупая!» — отругала я себя. Знала ведь, ему будет плевать на голос. Я скучала по нему. Скучала безумно, поэтому сама не заметила, как ноги повели навстречу. Коснулась его

локтя, обращая на себя внимание. Он обернулся, будто теряясь на миг, а я улыбнулась так, что еще немного — и порвутся щеки.

— Чего надо?

Выдох получился слишком шумным. «Неужели не узнал?»

Вытащив из сумки черный маркер и блокнот, что все время таскаю с собой, я написала: «Анна. Забыл?» — и развернула, чтобы он мог прочитать. На мгновение его взгляд замер.

— Что за дурацкие шутки?

Я покачала головой и медленно поднесла ладонь к горлу, изображая крест. Моя шея в шрамах. И несмотря на то что я закрываю их бархатными чокерами, Август заметил и вдруг сделал шаг назад, будто увидел что-то отвратительное. Не понимая, почему он смотрит так, я написала: «Как ты?» Но только протянула блокнот, как он грубо перехватил мою руку, сжав слишком сильно. Если бы могла, я бы вскрикнула, но получилось только поморщиться.

— Скажу только один раз, — прошипел он, наклонившись, чтобы никто нас не услышал. Настолько близко, что я могла рассмотреть крапинки в его глазах. Почему сейчас эти глаза пугали? — Больше ко мне не приближайся!

«Что?»

— А лучше вообще переведись в другое место. И молись, чтобы оно находилось как можно дальше.

Он отпустил меня, развернулся и ушел, подводя итог этому отвратительному разговору, а